

всегда ли они так остро переживают чужую смерть, как об этом говорится в книге? Разве не равнодушно (из чувства самосохранения) принял Пьер почти на глазах его совершенное убийство Платона Каратаева?

Априорно восторженная оценка моральных взглядов Л. Толстого выглядит в исследовании столь же предвзятой, что и уничижительная интерпретация мировоззрения Бунина. Например, пафос «Крейцеровой сонаты» ученый называет этическим лишь на том основании, что в ней разоблачаются «буржуазные» взгляды на брак (с. 80). В таком случае о Павла Флоренского придется признать злостным врагом нравственности, поскольку тот считал названную повесть «одновременно и грязью, и кощунством»⁴.

Не только Флоренский, но и другие крупнейшие мыслители — особенно те, кто, подобно Бунину, пережил «окаянные дни», — не были склонны воспринимать яснополянского патриарха в качестве «мировой совести». Напомню хотя бы «Духи русской революции» Н. А. Бердяева, где толстовская мораль рассматривается как демоническая и нигилистическая. «Возвышенность толстовской морали, — пишет философ, — есть великий обман, который должен быть изобличен», ибо ее приятие «влечет за собой погром величайших святынь и ценностей». К незаменимым ценностям, отвергнутым Л. Толстым, Бердяев относит, в частности, идею исторической и культурной преемственности, и в этом он близок Бунину. «Толстовская мораль, — продолжает автор, — расслабила русский народ, лишила его мужества в суровой исторической борьбе» и тем самым «является одним из виновников разгрома... культуры»⁵. Не отвлекаясь на обсуждение вопроса о справедливости данной оценки, заметим лишь, что после нее вряд ли корректно говорить об абсолютной высоте толстовской морали как о всеми признанном факте.

В. Линков называет «абсолютно этической позицией» убеждение позднего Толстого в том, что так называемое образованное общество живет лживо и порочно (с. 72—73, 88, 105). Это этика, характерная для обличительной литературы, привычно именуемой «критическим реализмом». Такой этике Бунин действительно чужд — здесь ученый совершенно прав. Но из этого отнюдь не следует, что у писателя вообще нет нравственных ориентиров. Например, ему весьма родственна та этика, которую А. Швейцер определил как благоговение перед жизнью: добро — то, что способствует цветению жизни, зло — то, что ее стесняет⁶. В частности, революционные идеи Бунин не приемлет вовсе не потому, что ему, как утверждает В. Линков, неведомо чувство сострадания, а потому, что они приводят к сужению или к истреблению жизни.

Помимо имморализма, автор книги выделяет у Бунина «неверие в

---

⁴ П. А. Флоренский, Столп и утверждение истины, М., 1990, с. 292.

⁵ Н. А. Бердяев, Духи русской революции, Рига, 1990, с. 25—27.

⁶ См.: А. Швейцер, Культура и этика, М., 1973, с. 307.